

Вэй Фусюэ фыркнул:

— Гонишься за славой, хочешь прослыть добродетельным, а на самом деле думаешь о том мальчишке, Вэй Жуньюй.

Тао Цзюсы вытащил из рук Вэй Фусюэ помятую книгу. Аккуратно разгладив её, он сказал серьёзно:

— Разве ради славы стоит идти против императора? Второй принц действительно популярен, и я действительно сочувствую ему, но если я не стану его учителем, тысячи других будут готовы его учить. А ты? Если бы я не послушался воли императора и не взялся бы учить тебя читать, ты бы, возможно, до самой смерти остался бы без учителя! Первое Высочество, неужели ты думаешь, что в мире нет никого, кто искренне заботится о тебе?

Вэй Фусюэ смотрел прямо на Тао Цзюсы, и в его глазах всё ещё читалось сомнение.

Тао Цзюсы, увидев это, вздохнул. Он понимал, что шестнадцать лет жизни Вэй Фусюэ были настолько трагичны, что ему трудно доверять людям, и произнёс:

— Просто считай, что Конфуций явился мне во сне и велел учить всех без исключения, дабы я мог обрести вечную славу.

Матушка Гуй, видя, что разговор зашёл в тупик, поспешила вмешаться:

— Господин, мой юный господин ещё мал, он не понимает ваших намерений, но я-то понимаю. Господин Тао, не сердитесь на него. Первое Высочество — хороший ребёнок, просто, просто...

Она уже была готова заплакать, и Тао Цзюсы поспешил успокоить её:

— Матушка, не волнуйтесь. Первое Высочество просто заиклился на чём-то, я не буду на него сердиться.

Тао Цзюсы клялся и утешал её, и только спустя долгое время ему удалось успокоить матушку Гуй. Обернувшись, он увидел, что Вэй Фусюэ сидит неподвижно на прежнем месте, совершенно не тронутый.

Если он даже не может проявить любовь к той, кто заботилась о нём с детства, как он сможет любить народ? Очевидно, путь обучения старшего принца будет долгим и трудным.

На следующий день, проведя ночь в раздумьях, Тао Цзюсы снова рано утром отправился во дворец.

«Учить без усталости» — повторял он про себя, стараясь сохранять спокойствие и готовясь к холодности со стороны Вэй Фусюэ.

Однако на этот раз Вэй Фусюэ пришёл раньше него. Когда Тао Цзюсы с тревогой вошёл в библиотеку, Вэй Фусюэ уже закончил читать книгу.

Тао Цзюсы сел за стол и внимательно посмотрел на Вэй Фусюэ. Тот, словно ничего не произошло, как обычно расставил кисти, бумагу и чернильницу, затем торопливо произнёс:

— Раз господин пришёл рано, давайте начнём урок.

Тао Цзюсы, видя, что Вэй Фусюэ словно перевернул страницу, решил не придавать этому

значения и открыл книгу.

В последующие дни всё шло спокойно. Вэй Фусюэ был послушен, Тао Цзюсы прилагал все усилия. Учитель с глубокими знаниями и умный ученик учились друг у друга, и это было бесконечно интересно.

Вэй Фусюэ выучил несколько стихов, перечитал учения Конфуция и Мэн-цзы и, чувствуя, что всё знает, однажды на уроке сказал Тао Цзюсы:

— Господин, я хорошо усвоил слова мудрецов, хочу учить чему-то другому.

Тао Цзюсы спросил:

— О? Что именно?

Вэй Фусюэ закрыл лежащую перед ним «Книгу Мэн-цзы» и откровенно сказал:

— Я хочу изучать военное искусство, историю и искусство управления.

Вэй Фусюэ был словно птица Куньпэн, которая рано или поздно расправит крылья и улетит, и такой вопрос был вполне ожидаем.

Тао Цзюсы подумал, затем отодвинул книги на столе, взял лист бумаги, обмакнул кисть в чернила и нарисовал упрощённую карту четырёх царств.

Увидев карту, Вэй Фусюэ тут же мобилизовался и стал внимательно слушать.

Тао Цзюсы указал на карту:

— Наша земля, Хуася, разделена уже более ста лет. Десятки лет назад Великая Вэй уничтожила царство Лян, и осталось только четыре царства. Мы, Великая Вэй, находимся на северо-западе материка и делим Центральные равнины с Восточной Ци. Мы сильны в культуре, но слабы в военном деле. Восточная Ци, помимо половины Центральных равнин, владеет обширными территориями на северо-востоке. Она богата и сильна в военном отношении, являясь ныне самой мощной державой. Сихуа и Южная Чжоу находятся на северо-востоке материка; обе эти страны небольшие, но их судьбы различаются. Сихуа существует, опираясь на поддержку Восточной Ци. Южная Чжоу окружена озёрами и реками, её легко защищать, но трудно захватить.

Тао Цзюсы сделал паузу. Он вспомнил, как в прошлой жизни Вэй Фусюэ объединил все четыре царства, но сделал это с такой жестокостью, что весь мир жил в страхе, и народ не имел покоя. Сейчас Вэй Фусюэ был ещё молод, и Тао Цзюсы не знал, каким он станет, поэтому осторожно спросил:

— Скажи, если бы ты повёл войска против Восточной Ци, а её народ оказал бы ожесточённое сопротивление, что бы ты сделал?

К его удивлению, Вэй Фусюэ, не моргнув глазом и сохраняя спокойствие, ответил:

— Верность старому правителю — это беда. Их следует уничтожить.

Тао Цзюсы нахмурился, и на душе у него стало тяжело. Шестнадцатилетний юноша мог так хладнокровно говорить о таких вещах.

Вспомнив поступки Вэй Фусюэ из прошлой жизни, Тао Цзюсы почувствовал, как сердце его окаменело. Он долго молчал, и Вэй Фусюэ удивлённо спросил:

— Господин, я сказал что-то не так?

Тао Цзюсы с горечью ответил:

— Ты в доспехах, полный решимости, а они — лишь последние из последних, напуганные твоей славой, они могут только сопротивляться. Если бы ты раньше развивал в себе добродетель, разве дошло бы до этого?

Вэй Фусюэ не понял, что имел в виду Тао Цзюсы, и возразил:

— Сердца людей могут поддерживать или опрокинуть правителя. Если не уничтожить зло до конца, как можно спокойно спать на своей постели?

Тао Цзюсы посмотрел на него:

— Каждый служит своему правителю, разве это делает их злодеями? Народ невиновен. Если ты зальёшь всё кровью, сможешь ли ты спать спокойно?

Слова Тао Цзюсы, казалось, задели какую-то струну в сердце Вэй Фусюэ. Его глаза засияли ослепительным светом, и он, сжав губы, не отрывался от взгляда Тао Цзюсы.

Они смотрели друг на друга, никто не хотел уступать. Внезапно Вэй Фусюэ произнёс, чётко разделяя каждое слово:

— В этом мире нет невинных и праведных, есть только сильные, которые становятся правителями.

Вэй Фусюэ внезапно раскрыл свои помыслы перед Тао Цзюсы, и тот увидел, что его сердце уже стало несокрушимым, холодным и тёмным.

Матушка Гуй сегодня не пришла, и некому было сгладить углы. Атмосфера между ними стала ещё более напряжённой. Тао Цзюсы чувствовал, что его шатает, словно он снова падает в бездну.

Он внимательно разглядывал Вэй Фусюэ, не понимая, как этот ребёнок мог быть настолько жестоким.

Присмотревшись, Тао Цзюсы заметил, что Вэй Фусюэ ужасно худ, а на его одежде, уже не подходящей по размеру, появилось ещё две заплатки.

Старший сын императора, с высоким статусом, но одетый в лохмотья и худой, как скелет. Тао Цзюсы невольно вспомнил историю Вэй Фусюэ.

Как только Вэй Фусюэ родился, сразу заговорили, что старший принц родился несчастливым и, возможно, навлечёт беду на отца и мать. Вэй Уюэ скорее верил в это, чем сомневался, и хотел отправить этого сына подальше. Но, поскольку тот был сыном императрицы и его первенцем, изгнать его из дворца из-за одного лишь слова было бы против обычаев. Пришлось оставить его во дворце, но камень застрял на сердце, и он редко навещал мать и сына.

Вскоре Восточная Ци без всякого предупреждения подступила с огромной армией, заявив, что за три месяца сметет царство Вэй.

В царстве Вэй всегда ценили гражданское выше военного. Единственные два генерала, способные сдерживать границы, пропали без вести после завоевания царства Лян. Князь Чу, хотя и был на виду, находился в своих владениях на самой западной границе, и подмога столице Цзинло заняла бы у него не менее двух месяцев — слишком далеко.

Не имея выбора, Вэй Уюэ с трудом собрал армию и двинулся на восток навстречу врагу.

Но makeshift полчища где там сравниться с армией тигров и волков. За полмесяца Восточная Ци уже точила мечи под стенами столицы.

Восточная Ци наступала с сокрушительной силой и могла бы сразу взять Цзинло, но наступила суровая зима, припасов было недостаточно, солдаты тосковали по дому и не желали сражаться. К тому же в Восточной Ци шла открытая и скрытая борьба за власть, и они не могли полностью сосредоточиться на внешней войне. Император Восточной Ци, поразмыслив, решил заключить мир.

Великая Вэй избежала гибели, возможно, это было удачей, но для Вэй Фусюэ и его матери это стало началом несчастий.

Император Восточной Ци, помимо всевозможных золота и драгоценностей, потребовал, чтобы Вэй, как и другие страны, отправила принца заложником. У Вэй Уюэ тогда было три сына, но он отправил именно старшего сына.

Более того, император Восточной Ци заявил, что императрица Вэй славится своей красотой на весь мир, и потребовал, чтобы она последовала за заложником в Ци, дабы все в Восточной Ци, от высоких до низких, могли насладиться её красотой. Любому понятно было, что это было не для того, чтобы любоваться красотой, а явно хотели унижить императора Вэй.

Этим требованиям вся Великая Вэй была недовольна, отец и братья императрицы Дуань также приводили доводы, но Вэй Уюэ боялся, что рассердит Восточную Ци. Он боялся не только уничтожить царство своими руками, но и плохого конца для самого себя. К тому же, он и так не испытывал чувств к императрице и принцу, поэтому, несмотря на возражения всех, сначала сместил отца и братьев императрицы, затем лишил её титула и отправил мать и сына вместе в Восточную Ци.

Так Вэй Фусюэ провёл пять лет в Восточной Ци, пока в десять лет не умерла его мать, и только благодаря полным усилиям князя Чу он смог вернуться в Цзинло.

<http://bllate.org/book/16421/1488027>